

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 303.832.32

Лукьянцев Евгений Владимирович

ЭКСТРЕМИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ: ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

Статья посвящена исследованию проблемы распространения экстремистских настроений в молодежной среде. В современном российском обществе молодежь стала группой социального риска, балансирующей на грани социального исключения. Это неизбежно ведет к увеличению нелегальных способов реализации молодежью своих жизненных целей. Проявления экстремизма в молодежной среде в настоящее время стали носить опасный для общества характер.

Ключевые слова: общество риска, деформация социальной интеграции, трудности самоопределения, радикализм, экстремистская направленность настроений, экстремистское поведение.

Lukyantsev Evgeniy V.

EXTREMALIZATION AMONG YOUTH: OPPORTUNITY OR REALITY?

The article investigates the problem of the spread of extremism among young people. In modern Russian society young people have become a group of social risk, teetering on the brink of social exclusion. This inevitably leads to an increase in illegal ways to implement a youth's life goals. Manifestations of extremism among young people have now become dangerous to society wearing character.

Keywords: risk society, the deformation of social integration, the difficulty of self-determination, radicalism, extremist-focus on buildings, extremist behavior.

Современное российское общество последние десятилетия определяется как общество риска. Это находит проявление, по мнению Т. А. Рассединой и Е. А. Семеновой, «в росте постоянного воспроизводства различных рисков (таких как гонка вооружений, локальные войны, межэтнические конфликты, политический и финансово-экономический кризисы, экстремизм, терроризм и мн. др.)» [1, с. 215].

Наиболее уязвимой социальной группой в условиях общества риска, согласно социологическим данным, является молодежь [2]. Социокультурная трансформация российского общества привела к социальным диспропорциям, сужающим социально-мобильный потенциал молодежи. По утверждению Е. В. Столяренко [3, с. 75], радикализация молодежной среды в отношении к общественным интересам стимулируется территориально-экономическим неравенством регионов, многообразием социально-профессиональных ниш рынка, возрастающей узостью рынка труда, поскольку именно эти факторы сужают социальное воспроизводство молодежи как креативной группы, усиливают тенденции социального отчуждения и изоляционизма, снижают интерес к межпоколенческому диалогу. Структурные преобразования в российском обществе привели к социальной поляризации, резкому социальному, имущественному и социокультурному расслоению. Молодежь стала группой социального риска, балансирующей на грани социального исключения, испытывающей трудности в самоопределении. Возрастает вероятность краха жизненных интересов молодых людей, что неизбежно ведет к увеличению нелегальных способов реализации своих жизненных целей (так называемой «девиантной карьеры»).

Известно, что повседневная жизнь человека так или иначе сопряжена с рисками. Ежедневно ему приходится делать выбор между различными возможными решениями задач, стоящих на повестке дня. Именно поэтому так важно «не свернуть с правильного пути». В наибольшей степени это относится к молодому поколению. Ему свойственно стремление к новому, неизведанному, а риск предоставляет шанс добиться успеха (или проиграть). А в условиях деформации процесса социальной интеграции молодежи объективно возрастает ее радикализм.

Сегодня большинство молодых людей, как констатируют Санкт-Петербургские социологи, испытывает чувство неудовлетворенности и неуверенности в современной действительности. Время, в котором они живут, молодые респонденты оценивают как «смутное», «агрессивное, в которое

* Статья публикуется в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Лот: поддержка научных исследований, проводимых коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук 2012-1.1-12000-3006 «Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации»

каждый должен брать все, что может». Такой точки зрения придерживаются более 70 % участников опроса. И только около 10 % респондентов оценивают современность «как время хороших перспектив и надежд» [4, с. 219, 301].

К аналогичному выводу пришли и московские социологи. Так, по мнению абсолютного большинства представителей молодого поколения, для настоящего времени характерными чертами стали социальная несправедливость (85,6 %), межнациональные конфликты (84,8 %), бездуховность (81,8 %), бюрократизм и коррупция (65,2 %) [5, с. 143].

В условиях неопределенности и риска в молодежной среде формируется широкая палитра жизненных ориентаций, вариативность ценностных предпочтений: некоторые молодые люди ностальгируют по прошлому советскому времени, о котором они узнают из рассказов старших поколений; другая часть молодежи, разочаровавшись в социальной реальности сегодняшнего дня, уходит в виртуальный мир или «погружается» в пьянство, наркоманию, вставая тем самым на преступный путь; третьи обращают свои взоры к Божественному началу, становясь приверженцами различных религиозных объединений, в том числе и сект деструктивного характера; четвертые – все нововведения воспринимают агрессивно, что ведет к радикальной направленности сознания молодежи, а нередко и его экстремизации [5]. Именно молодежи, как отмечают криминалисты, в частности Э. С. Ахьядов, «присущи радикализм во взглядах и оценках, максимализм в неприятии несправедливостей» [6, с. 254].

В ситуации социальной нестабильности и социально-политической напряженности общества риска радикализм молодежи нередко приобретает экстремистский вектор. В силу своей идеологической, мировоззренческой незрелости молодежь оказывается «открытой» в отношении быстромняющихся форм экстремистской деятельности, что придает данному явлению особую общественную опасность.

В отличие от взрослого молодежный экстремизм, по мнению ученых, характеризуется меньшей организованностью, большей стихийностью. «Действия молодых экстремистов, – подчеркивают А. А. Карапетян и П. Е. Сулонов, – более жестоки, так как в силу возраста они не боятся смерти, тюрьмы, физических травм, плохо представляют последствия своих поступков» [7, с. 162]. Кроме того, по справедливому замечанию Э. С. Ахьядова [6, с. 255], идеологи экстремистских учений для обеспечения максимального воздействия на молодежь часто опираются на противоречивость патриотических настроений и неостребованность религиозных чувств молодежи. В условиях криминализации российского общества экстремистские проявления в молодежной среде неизбежно приобретают ту или иную девиантную форму, что не наблюдалось ни в одном из прошлых периодов существования Российского государства. Расширение социальной базы экстремизма в России за счет молодежи стало одной из острейших проблем современности. Происходит не простое увеличение числа преступлений экстремистской направленности, *возрастает профессиональный цинизм насилия, изощренность его технологий*. Такой точки зрения при оценке современного молодежного экстремизма придерживается и Б. Б. Бидова, которая выделила следующие характерные черты: рост масштабности, агрессивности, жестокости, навязывание своих принципов оппонентам, стремление к общественному резонансу путем устрашения населения [8, с. 288].

Так, по данным нашего исследования¹, «часто» испытывают агрессивные чувства по отношению к окружающим 20 % молодых респондентов, а 71 % участников опроса переживают это чувство «время от времени». Произошли в последнее время серьезные изменения в политических ориентациях молодежи. Так, каждый третий респондент предпочитает видеть «твердую руку» в управлении государством. Усиление правого и левого радикализма в молодежной среде нашло отражение в представлении об идеальном для России государственном устройстве: около 15 % участников опроса отдали предпочтение военной диктатуре; почти 10 % предпочли конституционно-монархический вариант, примерно 5 % – абсолютную монархию.

Интересным фактом является и то обстоятельство, что среди сторонников диктатуры экстремизм находит серьезную поддержку, при этом лишь некоторые из них выступают за запрет экстремистских организаций. К такому заключению пришли исследователи О. В. и О. О. Поповы. В то же время, отме-

---

¹ Исследование проводилось в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Лот: поддержка научных исследований, проводимых коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук 2012-1.1-12000-3006 «Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации». Было опрошено около 500 молодых людей Ставропольского края в 2012 году. Выборка – квотная.

чают ученые, абсолютное большинство сторонников демократии европейского типа не поддерживает экстремистские организации и являются сторонниками запрета этих организаций [9, с. 112].

Результаты нашего исследования показали, что значительная часть молодежи (более 35 % участников опроса) не воспринимают демократию европейского типа, основным принципом которой выступает постулат: верховенство Закона. Они считают возможным не соблюдение и даже нарушение правовых норм, если эти нормы воспринимаются респондентами как несправедливые. Отношение молодежи к праву как форме принудительного воздействия, внешнего контроля расширяет границы восприятия экстремизма.

Кроме этого в молодежной среде понимание социальной справедливости обусловлено в немалой степени оценкой деятельности государства, которая, как свидетельствуют результаты нашего исследования, является преимущественно негативной. Такую оценку поставили государству почти 50 % респондентов. Это означает, что поступки против государства и отдельных его представителей могут быть восприняты как справедливые. В этих условиях возникает риск смыкания понятий справедливости и экстремизма. Подтверждением сказанного может служить поведение части молодежи на Болотной площади 6 мая 2012 года: некоторыми из них было применено насилие в отношении представителей органов правопорядка. При этом «активные правозащитники» оценивают случаи осуждения студентов за насильственные действия против полиции как неправомерные, как «расправу с оппозицией» [10].

Безусловно, это не означает, что российская молодежь в большинстве своем готова стать сторонниками экстремизма. Но отношение к российскому государству как неправомерному, высказанное практически половиной участников опроса, оставляет простор легитимации радикализма и отношения к критически-решительным настроениям как обусловленным несправедливостью законов. Только менее четверти респондентов убеждены, что неповиновение правоохранительным органам власти никакими причинами не может быть оправдано. Оставшаяся часть участников опроса, как можно предположить, допускает возможность оказания сопротивления полиции той или иной форме или уклонения от сотрудничества с ней.

Важно иметь в виду, что для 11,1 % молодежи, как было выявлено в ходе нашего исследования, экстремизм мыслится в стиле экшн как выход за пределы серых будней, как экстремальная форма самовыражения, как привлекательность ярких жизненных впечатлений. Это создает дополнительный ресурс мобилизации в радикальные сети молодежи. Процесс героизации экстремистской деятельности в среде молодежи формирует дополнительные сложности в противостоянии экстремизму правоохранительным органам, расширяя пласт сочувствующих и сопереживающих экстремистам граждан.

Российская молодежь достаточно активна, и в этом есть риск расширения экстремизма, поскольку если молодые люди ощущают невозможность действовать легитимными способами, то их социальная активность может характеризоваться радикализацией. По результатам исследования М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, большинство радикальных и экстремистских молодежных групп не зарегистрированы (только 3,4 % молодежи состоят в маргинальных радикальных молодежных организациях), поскольку учесть реальный уровень экстремизма в условиях, когда экстремистски настроенные организации, как правило, функционируют по сетевому принципу, крайне сложно, если вообще возможно [11, с. 138].

Важно учесть также то обстоятельство, что экстремистские поступки могут совершаться в самоорганизованной или социально стихийной форме. В частности, действующие оппозиционные молодежные организации и движения, выступая как уличная протестная сила, пытаются вообразить себя лидерами либо будущих «оранжевых» революций, либо революционных путчей. При этом «самоотверженность» участников таких выступлений может быть квалифицирована не только как внесистемный организационный протест, но и как экстремистское поведение.

Однако многие из молодых людей являются несознательно-стихийными радикалами, то есть готовы в зависимости от ситуации не только признать, одобрить радикальные действия, но и принять активное участие в них. В современной «модернизирующейся» России большая часть молодежи, в том числе и имеющей высшее профессиональное образование, находится в условиях «без видов на карьеру». Это свидетельствует о наличии в молодежной среде латентного эмоционально неосознаваемого социально-психологического потенциала радикализма, который при определенных условиях может перерасти в реальный радикализм. Здесь необходимо помнить, радикализм молодежи в повседневной жизни существует преимущественно в форме настроений, взглядов и эмоциональных состояний экстремистской направленности. И в условиях неопределенности и возрастающей рискогенности достаточно легко его можно перевести в экстремистское поведение: экстремизм молодежи из возможности перерастает в реальность.

Таким образом, современное состояние российского общества создает мощную основу для радикализации подрастающего поколения, содержит потенциальную возможность распространения экстремизма в молодежной среде. Изменить сложившуюся ситуацию можно, только радикально улучшив условия социализации молодежи, обеспечив ее полноценную интеграцию в общество с точки зрения профессиональной самовыражения и социального самоопределения.

Литература

1. Рассадина Т. А., Семенова Е. А. Человек в условиях «общества риска» // Регионология. 2010. № 4. С. 214–223.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Маслова Т. Ф. Социальное самочувствие молодежи Северного Кавказа // Социс. 2008. № 2. С. 91–96; Кухтевич Т. Н., Туманян О. В. Экстремизм в молодежной среде: опыт социологического исследования // Молодежь и инновационное развитие России: материалы научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 22–32; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 231 с.
3. Столяренко Е. В. Внесистемная молодежная оппозиция: тенденции радикализма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 73–76.
4. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики / под ред. А. А. Козлова. СПб.: Химиздат, 2003. 560 с.
5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
6. Ахъядов Э. С. Криминологическая характеристика личности молодежного экстремиста // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 254–256.
7. Карапетян А. А., Сулонов П. Е. К вопросу о специфике молодежного экстремизма // Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2011. С. 162–168.
8. Бидова Б. Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 287–289.
9. Попов О. В., Попова О. О. Причины и особенности экстремизма в молодежной среде. Меры противодействия молодежному экстремизму // Научные ведомости. 2008. № 4 (44). С. 110–117.
10. События на Болотной напомнили Путину 1917 год <http://www.nr7.ru/articles/94978/> 21 ноября 2013.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М. ЦСПиМ, 2010. 592 с.; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Певцова Е. А. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М.: Русское слово, 2009. 237 с.

УДК 316.7

Ничеговская Мария Александровна

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТАВРОПОЛЬЧАН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТАЦИИ К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ РОССИИ

В данной статье через призму социального самочувствия населения Ставропольского края выделяются наиболее острые и сложные проблемы современного общества в социально-экономической сфере, раскрываются причины усугубления адаптационного процесса.

Ключевые слова: социальное самочувствие населения, адаптация, социально-экономические условия, материальное положение, трансформации.

Nichegovskaya Maria A.

SOCIAL WELL-BEING OF THE STAVROPOL INHABITANTS AS AN INDICATOR OF ADAPTATION TO MODERN CONDITIONS OF RUSSIA

In this article the most acute and complicated problems of the modern society in the socio-economic sphere are allocated, the causes of the adaptation process are disclosed.

Keywords: social wellbeing of the population, adaptation, socio-economic conditions, economic status, transformations.

Последние два десятилетия российское общество переживает радикальные изменения всех сфер жизни, которые затронули каждую российскую семью, каждого отдельного человека. Как любые перемены, происходящие трансформации в России неизбежно сопровождаются неопределенностью, стихийностью, тревожностью и нередко кризисностью. Это, в свою очередь, обернулось для массы людей тяжелым испытанием, потребовавшим максимальной концентрации и мобилизации